

ПОГРЕБЕНИЯ С МЕЧАМИ В ЯРОСЛАВСКИХ МОГИЛЬНИКАХ (к этнической и социальной оценке)

Открытие погребений с мечами в древнерусских могильниках или отдельные находки мечей всегда расценивались исследователями как события весьма значительные. И это не удивительно, ибо, во-первых, они не являются рядовыми фактами и, во-вторых, по справедливому замечанию А.В. Арциховского: "Меч являлся своего рода военной эмблемой Руси" (Арциховский 1948: 420). А.Н. Кирпичников в своем фундаментальном труде, посвященном древнерусскому оружию, развил это положение: "Средневековый меч — своеобразный символ феодального строя, неотъемлемая принадлежность воина-дружинника, могущественное и драгоценное оружие" (Кирпичников 1966: 18). Таким образом, он отдал приоритет социальной оценке погребальных комплексов с мечами и определению высокого общественного положения людей, при жизни владевших этим грозным оружием средневековья. При этом А.Н. Кирпичников вполне обоснованно добавил: "Клинки были, видимо, дорогостоящим оружием и в погребениях, даже дружинных, они сравнительно редки" (Кирпичников 1966: 22).

В Ярославских могильниках — Михайловском, Тимеревском, Петровском исследовано около восьмидесяти погребальных комплексов, в состав инвентаря которых входили предметы вооружения — мечи, кольчуги, боевые топоры, копья, стрелы, что составляет порядка 10% от общего количества захоронений в этих некрополях (Недошивина 1963: 63, 1991: 173; Фехнер, Недошивина 1987: 70). Из них лишь в девяти погребениях (Михайловское — 6, Тимерево — 3) найдены мечи (Недошивина 1963: 55). Т.е. только каждый десятый из погребенных с оружием при жизни носил меч.

Кроме того, до нас дошла случайная находка меча (Михайловское) — меч типа "V", 1899, X в. (Недошивина 1963: 55). Из погребения по обряду трупосожжения (курган № 88 Петровского могильника) происходит только навершие рукояти меча. Отдельно наконечники ножен мечей обнаружены в Тимеревском могильнике (курган № 274 и случайная находка) (Недошивина 1963: 55-56).

В культурном слое Тимеревского поселения найден бронзовый крюк — деталь портупей для ношения меча (Дубов 1982: 152, рис. 13, 13). Несмотря на ее сильную оплавленность, что может свидетельствовать о возможном происхождении этого предмета из раскопанного погребения, совершенного по обряду кремации, на ней достаточно четко читаются две звериные маски. Допустимо, что это может быть и деталь конской сбруи. Аналогичная вещь происходит

и из раскопанного кургана с мечом, находки из которого будут рассмотрены ниже.

Несомненный интерес представляют изображения мечей, также происходящие из Тимеревского комплекса. В состав инвентаря кургана № 459 входила бронзовая чаша, на одной из сторон дна которой четко читается изображение верхней части меча (Фехнер, Недошивина 1987: рис. 6: 1). По заключению Н.Г. Недошивиной: "Ближе всего это изображение мечам типа "II", большинство находок которых относится к X в." (Недошивина 1963: 167).

На другой стороне дна этого сосуда схематически изображена ладья с парусом и поднятыми веслами. Такое сочетание рисунков говорит о военно-дружинном комплексе изображений, который характерен и для известных граффити на восточных монетах, происходящих с территории Древней Руси и Скандинавии (Дубов 1992: 29-31). Практически полностью можно реконструировать меч по его изображению на фрагменте костяной подделки, найденной во время исследований Тимеревского поселения. Четко читаются навершие, рукоять, перекрестие и часть клинка. Однако, ввиду крайней схематичности изображения говорить даже предположительно об определении типа меча невозможно. Прочие находки, обнаруженные поблизости, позволяют полагать, что данное изображение — граффити могло быть нанесено на костяное изделие в X в.

Таково общее описание находок мечей, вещей так или иначе связанных с ними и их изображений из ярославских памятников.

Наибольшее количество мечей — шесть экземпляров, обнаружено в Михайловском могильнике.

Курган № 10 (1897 г.). Меч типа "X". Размеры насыпи: диаметр — 14,10 м; высота — 1,50 м. Погребение: кремация на месте. На кострище, кроме меча, обнаружены боевой топор, кольцевидная фибула, нож, наконечники стрел (2 ланцетовидных плоских, 1 ланцетовидный трехгранный, 2 ромбовидных), железная рукоять плетки, железный шип, обломки двух чашек от весов, несколько лепных сосудов. Н.Г. Недошивина определяет данное захоронение как одиночное воинское погребение вместе с боевым конем, датирует его второй половиной X в. и относит к числу славянских (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Курган № 18 (1897 г.). Меч типа "E". Размеры насыпи: диаметр — 12,80 м; высота — 1 м. Погребение: кремация на стороне. На материке — небольшая груда золы, угля и кальцинированных костей. В ямке — урна с кальцинированными костями человека и животных. Рядом с ней — обломки другого лепного сосуда и ореховая скорлупа. У края скопления — меч, согнутый пополам, две скорлупообразные фибулы овальной формы, нож, дирхем-привеска чеканки 805-809 гг. Судя по находкам — это парное захоронение мужчины и женщины. Н.Г. Недошивина датирует комплекс второй половиной X в. и относит его к славянским (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Курган № 1 (1898 г.) Меч типа "V". Размеры насыпи: диаметр — 13 м; высота — 1,50 м. Погребение: кремация на месте. На кострище

Рассмотрены находки
древности
Северной Руси
и ее соседей, Сиб., 1999

меча и наконечника его пожен найдены два лещных сосуда. Наконечники стрел ланцетовидной, трехгранной и четырехгранной формы, бронзовые пряжка и обойма ремня, нож с костяной рукояткой. Единичное воинское захоронение, вторая половина X в., славянское (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Курган № 34 (1898 г.). Меч типа "V". Размеры насыпи: диаметр — 17,35 м; высота — 1,60 м. Погребение: кремация на месте. На кострище — кальцинированные человеческие кости, обломки лещных сосудов. В железный котелок сложены вещи: стремяна, удила, копье, железная рукоять плетки, железная скобка от колчана, железные шипы, оселок, футляр для фитиля. Меч лежал рядом с котелком. Копье из этого кургана относится к типу "V" и датируется X в. (Кирпичников 1966а: 18). Погребение воина с боевым копьем, вторая половина X в., славянское (Недошивина 1963: Приложения).

Курган № 1 (1902 г.). Меч типа "Д". Размеры насыпи: диаметр — 9,25 м; высота — 1,10 м. Погребение: кремация на месте. На кострище — два скопления кальцинированных человеческих костей. 1) Урна с золой, углем и костями (Ю-В часть). Инвентарь: сломанный пополам меч, который лежал на урне; глиняная лячка, две каменные литейные формы, шестнадцать бус из горного хрусталя и сердолика, железная обойма и скобка, бронзовая круглая привеска, три бронзовых бубенчика, фрагмент бронзовой привески в виде бутылочки. 2) Среди костей в северо-западной части кострища — железный шип, стрела-срезень, три серебряные поясные бляшки, три бронзовых ремешных обоймы, две поясные пряжки — лировидная и пятиугольная, три бусины, бронзовый усатый перстень, бронзовая пластинка — оковка, ореховая скорлупа, шестнадцать заклепок от щита. Парное мужское и женское захоронение. Мужское — славянское, женское — финское, конец X в. (Недошивина 1963: 55. Приложения).

Как видим, все мечи в Михайловском могильнике происходят из погребений по обряду трупосожжения. Эти захоронения Н.Г. Недошивина относит к славянским и датирует второй половиной X столетия. Однако, все же остается открытым вопрос, насколько это обоснованно. Рассмотрим датировки типов мечей, найденных в Михайловском.

Курган № 10 (1897 г.). Тип "X". (X-XI вв. — Я. Петерсен; X-XI в. — А.Н. Кирпичников)¹. Других датирующих вещей в кургане нет, обряд погребения (кремация на месте) и размеры кургана ("большой") позволяют датировать его серединой X в., что не противоречит широкой датировке данного типа меча.

Курган № 18 (1897 г.). Тип "E". (IX-X вв. — А.Н. Кирпичников). Уточняют дату комплекса фибулы типа 51 К, которые в Скандинавии датируются второй четвертью X в. (Petersen 1928: 63, 68). Да и собственно мечи типа "E", как отмечает А.Н. Кирпичников, после 900 г. встречаются крайне редко (Кирпичников 1966).

¹ Данные о хронологии типов мечей приводятся по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966: 42).

В качестве сравнения следует привести пример определения даты сооружения известного гнездовского кургана № 13 из раскопок М.Ф. Кусинского. Д.А. Авдусин датирует его X в. и скорее всего ближе к его середине (Авдусин 1967: 25). При этом он использует как главный аргумент весьма спорное положение, согласно которому железные гривны о привесках в виде молоточков Тора, а одна из них найдена в этом кургане вместе с мечом, бытуют в Руси в конце X — начале XI вв. Находки таких гривен, как в Скандинавии, так и в Древней Руси, не подтверждают это положение (Дубов 1970: 262-268) и не могут служить надежной опорой для омоложения комплекса в целом. А.Н. Кирпичников полагает, что данный курган следует относить, как и сам меч, к рубежу IX-X вв. (Кирпичников 1966: 30), против чего как раз и выступает Д.А. Авдусин. Полагаю, что вся совокупность находок в кургане 18 (1897 г.) Михайловского могильника позволяет датировать его первой половиной X в.

Курганы №№ 1, 34 (1898 г.). Тип "V". (IX в. — Я. Петерсен; IX-X вв. — А.Н. Кирпичников). А.Н. Кирпичников отмечает, что "Мечи этого типа бытуют в Скандинавии в течение всего X века, но больше всего они распространены в его первой половине" (Кирпичников 1966: 31-32), что и позволяет нам датировать данные комплексы первой половиной X в.

Курган № 1 (1902 г.). Тип "Д". (конец IX-X вв. — А.Н. Кирпичников). Н.Г. Недошивина на основании находки бронзового усатого перстня датирует курган концом X в. Она полагает, что такой тип перстней бытовал в Древней Руси в конце X-XII вв. (Недошивина 1967: 267). Однако, судя по приведенным ею же аналогиям, эта нижняя граница может быть расширена вплоть до IX в. По крайней мере для всего X столетия усатые перстни не являются чем-то необычным. Приведенные данные с учетом датировки меча позволяют утверждать, что курган мог быть насыпан не в конце X в., а в первой его половине.

Еще большие сомнения вызывает этническая интерпретация комплексов с мечами как славянских. Ряд признаков и набор инвентаря, а кроме мечей в них найдены этноопределяющие скорлупообразные фибулы, ланцетовидные стрелы, ореховая скорлупа, заклепки от щита, фиксация в двух курганах обычая порчи меча и в одном случае помещение вещей в котелок, парность погребений (мужчина и женщина), захоронение с конем — все это свидетельствует о скандинавском происхождении погребенных.

Богатство инвентаря, размеры насыпей, выделяющиеся среди прочих курганов, наличие оружия, импортных и торгового инвентаря, говорит о том, что захороненные отнюдь не были рядовыми членами местного общества, а видимо, принадлежали к его купеческо-дружинной прослойке. Все это свидетельствует в пользу того, что Михайловский центр, расположенный на важном ключевом месте Великого Волжского пути в первой X в., являлся опорным пунктом, прикрывавшим поворот водного пути с Волги глубину Суздальского ополья.

Однако постепенно эта роль переходит к усложняющемуся во второй половине X в. Тимеревскому центру, находившемуся на Которосли, то есть уже ближе к историческому центру Ростовской земли — Сарском городищу. Длительное время, несмотря на широкомасштабные раскопки, погребения с мечами в Тимеревском могильнике известны не были и только после возобновления его исследований в 1974 году было найдено три таких захоронения. Два из них (курганы №№ 100 и 295) содержали ингумации, а третий распаханный курган — кремацию.

Этот курган, насыпь которого не сохранилась из-за распахки, и он не был обозначен на плане могильника, находился на юго-восточной окраине некрополя, где последний близко подступает к поселению (Дубов, Винокурова, Седых 1977: 51-52). Во время обследования поселения с помощью металлоискателя был обнаружен сначала меч, а затем на месте находки заложен раскоп, где и найдено кострище с кальцинированными человеческими костями и вещами, сопровождавшими погребенного (Дубов 1982: 128-129, рис. 6). Часть кальцинированных человеческих костей была собрана в урну, поставленную на кострище. Захоронен здесь был мужчина 30-40 лет. Большая часть вещей, видимо, погибла на погребальном костре — найдены оплавленные куски бронзы, железа, сожженные изделия из кости. Из сохранившихся предметов обнаружены три фрагмента накладок костяного гребня (на двух из них виден орнамент), железный ледоходный шип, часть ладельной заклепки, ланцетовидная стрела, две бочонковидные гирьки со знаками кратности.

Особый интерес вызывает бронзовый предмет в виде трапециевидной пластины с обломанным крюком на конце. Ее лицевая поверхность богато украшена масками фантастических зверей, лентами показаны их тела. Перед нами широко распространенный в северной орнаментике сюжет — звери, пожирающие друг друга. На задней стенке пластины сохранились два шпенька, видимо, с их помощью она крепилась к какой-то кожаной основе. Подобные находки — “пряжки”, как их называет В.И. Сизов, известны в погребениях Гнездовского могильника (Сизов 1902: 39, табл. II, 2, 3). В.И. Сизов затруднялся точно определить их назначение и относил железные с бронзовыми орнаментированными накладками к поясным наконечникам, а просто железные “пряжки” — к конским удилам. По заключению А.Н. Кирпичникова, тимеревские находки (еще одна упоминалась выше) можно интерпретировать как деталь портупей для ношения меча. Несомненно, что крюком такая пластина могла крепиться к кольцу или пряжке, а шпеньками к кожаному ремню или перевязи (Kivikoski 1973: 146, Tf. 137, Grab. 1202 a,c,d; 1203 — B)¹.

Сохранность самого меча удовлетворительна — утрачено навершие рукояти, которое реконструируется по аналогиям, и оконечность лезвия. Перекрестие меча украшено зонным ячеистым орнаментом и серебряной

плакировкой; по краям оно было окантовано витой серебряной проволокой. На торцах перекрестия сохранились железные шпеньки, к которым, возможно, крепились кожаные прокладки. После расчистки, произведенной А.Н. Кирпичниковым, на клинке была выявлена выполненная металлической проволокой надпись: “ULFBERHT” — клеймо известной Рейнской мастерской. Все буквы сохранились отчетливо, равно как и вступительный и заключительный кресты. На другой стороне клинка — орнаментальная композиция в виде перекрещенных полос. Такой рисунок весьма обычен в сочетании с именем “ULFBERHT”. Сам меч относится к типу “Е”, русские находки которых А.Н. Кирпичников датирует IX-X вв. (Кирпичников 1966: 42). По его мнению, ячеистая орнаментация, расположенная не равномерно по всему полю перекрестия, а сгруппированная в семь ромбов, свидетельствует об изготовлении клинка после середины X в. Не противоречат такой дате и другие вещи рассматриваемого комплекса (Кирпичников, Дубов 1982: 150-152).

Все изложенное выше (находки: меч, весовые гирьки, ланцетовидная стрела, деталь портупей с изображением в северном стиле Борре) дает основание полагать, что захоронен здесь был человек, имеющий прямое отношение к торгово-дружинному слою и по происхождению скандинав.

Курган № 100. Меч типа “W”. Размеры насыпи: диаметр — 14 м; высота — 1 м. Погребение парное (мужчина и женщина): ингумация в камере. Над ней обнаружены остатки сожженной ладьи. Внутри камеры — останки двух лошадей. Инвентарь: меч, серебряные височные кольца, каменная вставка от перстня, стеклянные бусы, бисер, наконечник копья, две стрелы, железные петли и оковка днища колчана, детали уздечного набора, стремяна, удила с псалиями, железная рукоять кнутовища, золотой перстень, две чашечки от весов с кожаным футляром, гирька, дирхемы 961-976 гг. чеканки. По всем признакам комплекс датируется 70—80-ми гг. X в., относится к скандинавским. Погребен здесь был несомненно купец-воин. Это определение сделано с учетом замечания М.В. Фехнер и С.А. Яниной, согласно которому: “в ряде случаев трудно провести грань между древнерусской военной дружиной и купцом, которые в ту пору почти неотделимы друг от друга: дружинник выступал в качестве купца, а купец являлся и воином” (Фехнер, Янина 1978: 184-192). Я думаю, что напрасно эти исследователи чрезмерно осторожничают и не касаются этнического определения данного комплекса.

Курган № 295. Меч типа “U-особый” (первая половина X в. — Я. Петерсен; X в. — А.Н. Кирпичников). Погребение: ингумация. Инвентарь: фрагмент деревянной чаши с бронзовыми петельками, гирька, подковообразная фибула, фрагмент тесьмы из шелковых и металлических нитей от оторочки рукавов или ворота, бронзовые пуговицы, фрагменты ножен боевого топора. Датировка комплекса — вторая половина X в. Оценивая курганы с мечами Тимеревского могильника, М.В. Фехнер и Н.Г. Недошивина отмечали, что “среди

¹ Финляндские находки относятся к эпохе викингов.

воинских захоронений второй половины X в. выделяются могилы знатных дружинников с мечами и разнообразным набором инвентаря (курганы 100 и 295), принадлежавшие, бесспорно, верхушке феодальной знати" (Фехнер, Недошвина 1987: 88). Они включали их, наряду с другими в состав погребений "феодализирующей знати" (Недошвина, Фехнер 1985: 113). Недошвина даже писала о "богатых боярских (?! — И.Д.) захоронениях с мечами" (Недошвина 1991: 174).

Более осторожную и обоснованную оценку дает В.В. Седов: "Среди курганных насыпей этих ярославских могильников немало погребений воинов-дружинников, сопровождаемых, в отличие от рядовых умерших, мечами, наконечниками копий и стрел, топорами, поясными принадлежностями и т.п." (Седов 1982: 255). А.В. Арциховский к вооружению князей, бояр и дружинников-воинов относил мечи, копья, колчаны со стрелами, боевые топоры, т.е. он вообще считал практически любое оружие, кроме палок, рогатин, камней приоритетом феодалов, а рядовым смердам оставлял последнее (Арциховский 1948: 417). Более широкую социальную базу определяет А.Н. Кирпичников: "Очевидно, что меченосцы были воинами-дружинниками, нередко купцами или сборщиками дани, иногда, может быть привилегированными ремесленниками" (Кирпичников 1966: 24).

Однако И.Я. Фроянов, опираясь в основном на данные письменных источников, не соглашается с трактовкой А.Н. Кирпичникова. По его мнению, мечи имели широкое распространение в Древней Руси и их владельцами была не только знать (Фроянов 1980: 193). Он вполне определенно трактует сообщение летописи о том, что поляне давали хазарам дань "по мечу от дыма". Древности полян в настоящее время тщательно изучены археологами (Седов 1982: 106-112). Данные раскопок не дают возможности так интерпретировать летописный текст. Собственно в земле полян серийные находки мечей известны только в городских центрах — Киеве, Чернигове (Кирпичников 1966: рис. 2), а в многочисленных курганах полян на обширной территории Среднего Поднепровья они вообще не встречены. Из предметов вооружения отсюда происходят главным образом копья и стрелы (Русанова 1966: 17-24).

Таким образом, если и говорить о широком распространении мечей у полян, то касаться это заключение может исключительно городских центров. Конечно, археологические источники, тем более материалы погребальных комплексов, не отражают полностью и адекватно древнюю реальность. Это справедливо подмечает И.Я. Фроянов (Фроянов 1980: 192-193), ссылаясь на вполне обоснованное замечание того же А.Н. Кирпичникова, согласно которому "захоронения XI-XII вв., подходя к ним источниковедчески, можно сравнить с кривым зеркалом, в котором искажаются образы действительности" и "оружие мертвых!" не обязательно соответствует "оружию живых" (Кирпичников 1971: 46, 52). Однако А.Н. Кирпичников не относит это к языческим обрядам, которые более прямолинейно отражают реальность и происходит это "искажение" и "обеднение", по его мнению, в связи с христианизацией Древней Руси (Кирпичников 1971: 46). Впрочем, и письменные данные,

используемые для решения этого вопроса, могут иметь иную интерпретацию, ибо летописцы могли выдавать желаемые символы — идеалы за реалии жизни. Об этом писали и А.В. Арциховский, и Б.А. Рыбаков, и А.Н. Кирпичников, рассматривая вопрос о статусе самого грозного оружия средневековья — меча (Рыбаков 1963: 37).

А.Н. Кирпичников, касаясь вопроса об этносе погребенных в курганах с мечами, пишет: "Об этнической принадлежности воинов-меченосцев судить трудно; в погребениях меч — признак не этнический. Решать племенную принадлежность погребенных воинов можно на основе всестороннего анализа всего инвентаря. В курганах русских областей с мечами в большинстве случаев захоронены представители дружинной верхушки... Некоторые погребения с мечами, вероятно, окажутся скандинавскими" (Кирпичников 1966: 25). Именно эта совокупность всех признаков указывает на то, что погребения с мечами из Ярославских могильников были скандинавскими. Конечно, это не какие-то "феодалы" или "бояре", а скорее всего предводители скандинавских военно-торговых отрядов. Михайловское и Тимерево в X в. являлись полиэтничными торгово-ремесленными протогородскими центрами на Великом Волжском пути.

И здесь опять справедливо заключение несомненно выдающегося российского археолога, ведущего оружейведа и исследователя военного дела на Руси Анатолия Николаевича Кирпичникова: "Находки мечей указывают не только места пребывания дружинников, но и места торговли" (Кирпичников 1966: 49). В этих торгово-ремесленных дружинных центрах проживали или останавливались представители разных этносов — финно-угры, славяне и скандинавы.

Письменные источники, сообщая о финнах (финнах), говорят о том, что "все свои упования они возлагают на стрелы" (Корнелий Тацит) и достигли большого искусства в стрельбе стрелами (Саксон Грамматик).

Босвой арсенал славян одинаково характеризуют различные источники. Прокопий Кесарийский сообщает, что "вступая в битву, большинство из них (славян — И.Д.) идет на врагов со щитами и дротиками в руках". Маврикий Стратег отмечает, что "Каждый вооружен двумя небольшими копьями... Они пользуются также луками и небольшими стрелами". Аналогичную информацию дают и восточные авторы: "Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют" (Ибн-Русте); "Их оружие — щиты, дротики и копья" (Худуд ал-Алам); "Оружие, которым они сражаются — дротики, щиты, стрелы и копья" (Ал-Гардизи).

В сообщениях о русах, в которых многие ученые видят варягов, как главное оружие постоянно фигурирует меч. "Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: "Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом"; "дело решают оружием (мечами) и чей меч острее, тот и побеждает"; "все они постоянно носят мечи" (Ибн-Русте). "Если умирает у них человек ... сыновьям же дают только меч и говорят: "Отец твой добывал себе добро мечом, следуй его примеру ...".

Из таких разнотипных элементов складывались как древнерусская культура в целом, так и ее военный арсенал. Наличие в X в. в Ярославском Поволжье скандинавских погребальных комплексов с мечами, в которых захоронены представители торгово-дружинного сословия, вполне реально отражают ту роль, которую играл данный регион в трансъевропейских экономических и культурных связях Древней Руси.

- Авдусит, Д.А. 1967. О датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М.В. Кусцинского // Культура и искусство Древней Руси. Л.
- Арциховский, А.В. 1948. Оружие // История культуры Древней Руси I. М.-Л.
- Дубов, И.В. 1970. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде "молоточков Тора" // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв.: 262-268. Л.
1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
1992. Средневековые корабли-граффити восточных монет // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции: 29-31. Санкт-Петербург.
- Дубов, И.В., М.Г. Винокурова, В.Н. Седых. 1977. Ярославская экспедиция // Археологические открытия 1976 года: 51-52. М.
- Кирпичников, А.Н. 1966. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (1). М:Л.
- 1966а. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (2). М:Л.
1971. Древнерусское оружие // Свод археологических источников Е 1-36 (3). М:Л.
- Кирпичников, А.Н., И.В. Дубов. 1982. Новые раскопки мечей, найденных в Ярославском Поволжье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: 147-152. Л.
- Недошивина, Н.Г. 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв.: 55-63. М.
1967. Перстни. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. // Труды Государственного исторического музея 43: 253-274. М.
1991. Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тиммеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М.
- Недошивина, Н.Г., М.В. Фехнер. 1985. Погребальный обряд Тиммеревского могильника // Советская археология 2: 101-115.
- Русанова, И.П. 1966. Курганы полян // Свод археологических источников Е 1-24. М.
- Рыбаков, Б.А. 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.
- Седов, В.В. 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.
- Сизов, В.И. 1902. Курганы Смоленской губернии // Материалы по археологии России 28.
- Фехнер, М.В., Н.Г. Недошивина. 1987. Этнокультурная характеристика Тиммеревского могильника по материалам погребального инвентаря // Советская археология 2: 70-89.
- Фехнер, М.В., С.А. Янина. 1978. Весы с арабской надписью из Тиммерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: 184-192. М.
- Фроянов, И.Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград.
- Kivikoski, E. 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki.
- Petersen, J. 1928. Vikingetidens Smykker. Stavanger.

ВЫСОКИЕ НАКОНЕЧНИКИ НОЖЕН МЕЧЕЙ КОНЦА X – НАЧАЛА XI ВВ.

Среди наконечников ножен мечей, обнаруженных на территории между Черным и Балтийским морями, выделяется немногочисленная, но довольно выразительная серия. Эти наконечники объединяет близкая техника изготовления и оформление венца и нижней части изделия. Их корпус изготовлен из листового серебра. Высота наконечников от 181 до 226 мм. Нижние их части представляют собой напаянные колпачки. По венцу идет также напаянная орнаментальная полоска.

Один из них происходил из погребения, обнаруженного в 1938 г. при исследованиях Десятинной церкви в Киеве под руководством М.К. Каргера в западной части центрального нефа на север от линии фундаментов южных столбов. Наконечник находился на деревянных ножнах вместе с клинком. К сожалению, клинок оказался без навершия грифа – наиболее информативной в хронологическом отношении части оружия. Утрата рукояти могла произойти в результате разрушения юго-восточного края погребения, не исключено, при перестройке храма во второй половине XI в. (Каргер 1940: 12-20, рис. 4-5).

В последнее время появились новые данные, существенно дополняющие сложившиеся представления относительно назначения наконечника и времени погребения. Начиная с первых публикаций, клинок из этого комплекса воспринимался как остатки сабли или меча-сабли. Однако, проведенная в 1996 г. рентгенография, выявила под ножнами обоюдоострый прямой контур лезвия меча с одинаковой плотностью по краям и долом вдоль центра полосы, конец которого практически совпадал с верхним обрезом наконечника. Тогда же было проведено радиоуглеродное датирование по каллогену костей скелета погребенного. Калибровка полученных дат укладывается в пределах 997-1025 гг., при наиболее вероятной среднестатистической дате захоронения – 1011 г. (Андрощук, Панченко, Ковалюх 1996: 44-47; Бредіс 1996: 44-47).

Остальные известные наконечники исследуемой группы по географии находок распределяются следующим образом:

2. Граужай, район Кядайняй, Литва – в составе клада XII в. (1969);
3. Путели Турайдос, Латвия, курган 21(22), из раскопок 1896 г. (мужская кремация конца XI – первой половины XII вв.);
4. Лиспенес Кримулдас, Латвия, курган 4, группы II, из раскопок 1960 г. (мужская ингумация последней четверти XI – начала XII вв.);
5. Валдарве, приход Эскелхем, Швеция (о. Готланд), фрагмент (нижняя часть вместе с колпачком высотой 42 мм) в составе клада начала – первой четверти XI в. (1851);
6. Оксарве, приход Хемсе, Швеция (о. Готланд), изогнутый, но с полностью восстанавливаемой высотой образец в составе клада самого